

Семьдесят раз был счастлив

*Лия
Бушканец*

К 100-летию
со дня рождения
Е. Г. Бушканца

В 1930-е годы все документы о Толстом из провинции забрали в Москву, в Литературный музей Л. Н. Толстого, там оборудовали специальную комнату для хранения его рукописей – так же, как это было с рукописями и материалами о Пушкине, которые со всей страны собрали на выставку в 1937 году и обратно никому не вернули. Но казанский школьник, участник литературного кружка школы № 81, Ефим Бушканец, всё равно хотел выяснить как можно больше о годах жизни в Казани Льва Толстого – в то время самый неизученный период биографии писателя. И он нашёл неизвестные материалы о студенте Толстом в Государственном архиве ТАССР (ныне НА РТ), о чём сообщила в 1939 году газета «Красная Татария». Так ещё в школе им были сделаны первые научные открытия.

А потом он написал письмо в Москву, в Государственный музей Л. Н. Толстого, и получил ответ.

«Уважаемый тов. Бушканец!

Благодарю Вас за Ваше интересное письмо. Очень рада, что Вы хотите помочь в деле исследования жизни и творчества Л. Н. Толстого.

Советую Вам прежде всего подробно изучить все печатные материалы, относящиеся к теме пребывания Толстого в Казани. Есть ли у вас библиография печатных источников, посвящённая этому вопросу? Если у Вас нет такой библиографии, сообщите нам, и мы Вам вышлем список известных нам источников, содержащих материалы о жизни Толстого в Казани.<...> Затрудняюсь ответить на Ваш вопрос о том, над какой темой Вам начать работать. Думаю, что Ваш выбор должен зависеть от того, какие материалы Вам удалось обнаружить в архивах. Вы не пишете, какого рода архивные материалы Вы нашли. Сообщите нам более подробно. Возможно, что эти материалы с Вашим исследованием о них можно будет опубликовать в печатных работах Музея.

Привет. Учёный секретарь:
С. Есенина. 10.УП 1938».

Этот серьёзный ответ был написан пятнадцатилетнему школьнику. Библиография по данной теме была выслана. В 1949 году письмо из того же музея было подписано тем же человеком, но иначе: «Директор Гос. Музея Л. Н. Толстого АН СССР С. Толстая». Внучка Л. Толстого была одно время женой С. А. Есенина.

В девятом классе он обратился к известному тогда советскому писателю А. Серафимовичу с просьбой рассказать об одном из героев (имевшем отношение к Казани) его романа «Железный поток». И вот ответ:

«Дорогой товарищ Бушканец,

мне кажется Вам надо построить Вашу работу по «Жел. Пот.» исключительно по тексту произведения. Станете Вы рыться по газетам, ничего Вы там

не найдёте. Участников похода конечно не разыщите, в обоих случаях только время потеряете. По-моему, вот какие вопросы надо решить:

1. Основная идея произведения, насколько она ценна, как она связана с революцией, как по этому вопросу, по вопросу об этой идее высказывался Ленин независимо от Жел. Пот.

2. Как художественно осуществлена эта идея.

3. Коренной внутренней недостаток Жел. Потока.

4. КТО основной герой в произведении.

5. Какие основные достоинства вещи.

Вот когда Вы составите тезисы, пришлите мне, мы потолкуем о дальнейшем разворачивании Вашей работы.

А. Серафимович.

Москва Дом Правительства кв. 256. 22.ХП.39». (Орфография и пунктуация сохранены).

Паника автора письма и его стремление переключить внимание на художественную сторону произведения и тему революции была связана с тем, что человек, ставший прототипом одного из героев, только что был репрессирован, и неожиданное письмо из Казани испугало писателя – ему показалось, что это провокация. Но это было просто случайное совпадение.

Чтобы заниматься научной работой, нужно было записаться в Национальную библиотеку – и школьник Ефим занимал очередь, чтобы продлить билет, в шесть утра первого января.

Родители его оказались в Казани после Гражданской войны, но из-за голода уехали в Молотов (нынешняя Пермь), там родился старший сын. Потом семья вернулась в Казань.

Уже в школе вместе с Григорием Наумовичем Вульфсоном, позже профессором-историком Казанского университета, он участвовал в работе школьного литературного кружка. И Казань, не будучи его родным городом, стала городом любимым именно потому, что была

связана с историей литературы. Много позже отец водил экскурсии по Казани или просто показывал город гостям – и каждый дом для него был живым, связанным с людьми, с событиями.

Папа ходил на лекции в университете для школьников, в том числе Николая Григорьевича Чеботарёва. Вспоминал, что тот мог прийти на лекцию в одном ботинке чёрном, в другом коричневом, как и положено рассеянному учёному. Однажды он доказывал на доске во второй или третьей физической аудитории теорему и спросил слушателей: «На что это похоже?» И сыграл одну из сонат Бетховена – ещё в мои студенческие годы в этих аудиториях стояли фортепиано.

Чеботарёв предрекал папе математическую карьеру, но как обладатель «золотого аттестата» Ефим Григорьевич в 1940 году был принят без экзаменов на только что возобновлённое филологическое отделение историко-филологического факультета Казанского университета и стал его первым студентом (как когда-то Аксаков стал первым в официальных списках зачисленных в университет в 1805 году студентом). В 1941 году студент Бушканец получил первое место и премию 200 рублей за работу «Маяковский и Казань».

Осенью 1941 года он, как и все студенты, рыл окопы на предполагаемой линии обороны недалеко от Казани. А в конце осени был призван на фронт.

Все родственники по папиной линии жили в Латвии и Литве. Когда Прибалтику присоединили, родственники пригласили его погостить. Но папа отказался – в июне 1941 года все, даже школьник, понимали, что будет война. Так что про «внезапно» начавшуюся войну – миф.

В 1942 году он оказался на Калининском фронте, так что воевал «подо Ржевом». Подвозили на поездах. Поезд останавливался, солдат отправляли в атаку – только сначала был овраг. Первый эшелон, пока спустились и поднялись, погиб почти весь. Второй тоже. Третий прошёл по мёртвым телам – овраг был уже «засыпан» и сровнялся

с землёй. Потом все бежали по полю, строя не было. Папа упал, в небе был самолёт, который высматривал одиноких жертв. Глаза молоденького лётчика-немца, испуганные и жестокие одновременно, папа запомнил навсегда. Прикрыл голову рукой – и тот попал в локоть, а не в голову, в которую тщательно целился, спустившись очень низко. Потом папа день шёл, как мог, обратно. Ночью наткнулся на избу, уснул в ней – утром оказалось, что она полна умерших с вшами, живые – только крысы. И одна забытая сырая морковка, которую он съел. Так он дошёл снова до железной дороги, там тащился санитарный поезд: кто успел, тот залез в него, тяжелораненые, конечно, сделать это не смогли. Шанс был только у тех, кто мог ходить сам.

Поезд шёл долго, раненые были одни, только ближе к Москве в поезде появились санитарки, раздали булочки с чаем.

Папе повезло – по случайному стечению обстоятельств на лечение его отправили в Казань. В госпиталь к нему пришла Елена Константиновна Бахмутова, тогда ещё доцент общего языкознания Казанского университета, так называемая марровка. Сталин, «великий специалист в языкознании», сначала поддерживал лингвиста Марра, выдвинувшего ряд странных теорий в области языкознания, а в 1950 году написал разгромную статью... И тем марровцам, кого не отправили в ГУЛАГ, повезло. Бахмутовой тогда пришлось в университете очень тяжело. Но это уже после войны. А за внимание студент был благодарен ей всю жизнь. Её вообще студенты любили.

Ефим Бушканец прошёл с войсками до Минска, был комсоргом полка. Но до конца жизни он не смог простить ни Германии и немцам, ни Сталину того, что было в годы войны. Даже когда я училась в университете и в группе были студентки из ГДР, мне сазу было сказано, что ни одной из них в нашем доме не должно быть.

Когда папа возвращался на фронт,

его сняли с уже уходящего поезда и дали два дня – умер мой дедушка. Потом выяснилось, что эшелон весь разбомбили. Так дедушка его «спас».

А его друга Гришу Вульфсона сбросили с десантной лыжной бригадой под Воронежем... в апреле. Он воевал всего ничего, но вернулся без обеих ног.

В августе 1945 года Ефим Григорьевич сумел демобилизоваться (его не хотели отпустить с военной службы) и вернулся в университет. До войны филология считалась чисто «мужской» наукой, для девочек совершенно нормальным было то, что они учились максимум на тройки, – после войны филология вынужденно стала наукой женской. 1922 год рождения вообще оказался самым «опасным» – восемнадцатилетние, призванные в первый год войны, почти не выжили.

Тогда Ефимом Бушканцем был обнаружен один интересный документ – прошение В. И. Ульянова об уходе из Казанского университета после известной сходки 1887 года. Студент университета Бушканец пришёл в архив, но оказалось, что материалы около часа назад были переведены в другое помещение. Уборщица собирала брошенные на полу бумаги, чтобы сжечь их. Любопытный молодой человек нагнулся посмотреть, что это за листки – и обнаружил, что это прошения участников сходки, одно из которых было подписано Н. Евреиновым, приятелем молодого Пешкова. Он стал просматривать все бумаги и обнаружил прошение, подписанное В. И. Ульяновым. Дал денег уборщице на обед, а сам бросился в университет, вызвал студентку Стеллу Владимировну Писареву с лекции, чтобы она засвидетельствовала находку. Сообщение ТАСС об обнаружении научным сотрудником Госмузея ТатАССР Е. Г. Бушканцем «прошения» В. И. Ульянова от 5 декабря 1887 года об уходе из Казанского университета опубликовано в центральных газетах 25 сентября 1946 года.

Уже в студенческие годы папа начал работать в Государственном краевед-

Ефим Бушканец-фронтовик

ческом музее Татарии (сейчас Национальный музей РТ) и быстро стал заместителем директора В. Н. Дьяконова по научной работе. Надо было кормить семью, отец его умер в годы войны. Комнату ему и маме (младший брат жил отдельно) выделили прямо в музее, над проходной аркой.

Из-за независимого характера (студентом он неоднократно говорил о слабом уровне гуманитарного образования в университете 1940-х годов, поддерживал и студентов 1950-х годов – среди них был и известный современный критик и литературовед Игорь Золотуский, – которые неоднократно говорили о том же) по окончании университета он получил назначение на работу учителем на железнодорожный полустанок под Читой. Но В. Н. Дьяконов сумел доказать, что Бушканец нужен музею как специалист. Заместителем директора музея Бушканец проработал около 20 лет. С 1946 года Ефим Григорьевич – учёный секретарь Государственного краеведческого музея ТАССР, и он уже целенаправленно обращается к писате-

На прогулке по Волге

к 100-летию со дня рождения...

лям или их родным (Ирине Фёдоровне Шаляпиной, Софье Владимировне Короленько) с просьбой сообщить сведения об их связях с Казанью.

А вот письмо от Александра Безыменского:

«Уважаемый товарищ Бушканец!

Только сегодня получил Ваше письмо от 31 декабря прошлого года. Немедленно отвечаю.

Прибыл я в Казань в ноябре 1919 года, направленный туда Политическим управлением Красной Армии на работу лектора политработы Казанского Военно-инженерного Техникума.

Как только я обосновался в Техникуме, как только вошёл в русло партийной работы (я был избран членом Казанского городского комитета партии) и установил связь с Казанским Губкомом Комсомола и его газетой («Клич юного Коммунара»), – встретился я с представителями Казанского Союза Поэтов. Встреча произошла в газете «Знамя Революции», которую редактировал старый большевик и всеми нами уважаемый писатель Владимир Дмитриевич Бахметьев.

Нельзя себе вообразить более разных людей и более разных литературных традиций, чем те, которые были представлены в Казанском Со-

юзе Поэтов (председателем был П. И. Радимов, членами союза – М. Нечкина, В. Ключева, Л. Бать и ряд молодых литераторов). Но поскольку это были безусловно советские люди, я не подумал о создании отдельного объединения пролетарских писателей, и вошёл в Казанский Союз Поэтов, чтобы, не распыляя сил, создать крепкое литературное объединение, внутри которого надо будет постараться привлечь к работе и воспитать писателей, идущих из пролетарских низов.

Работа протекла очень успешно. Заседания союза поэтов были интересными, живыми. Спорили мы жарко, искренне отстаивая свои мнения. Я почти не помню закрытых заседаний, посвящённых каким-либо «оргвопросам». В присутствии многих людей мы читали стихи, обсуждали произведения москвичей и петроградцев, делали доклады на самые разные темы. Очень часто бывали открытые вечера в различных аудиториях, главным образом в университетской и рабочей. Мы выезжали на заводы в окрестностях Казани.

Само собой разумеется, что я сотрудничал в газетах «Знамя революции» и «Клич Юного Коммунара». Несколько стихотворений моих было напечатано в центральном органе ЦК РКСМ, – в журнале «Юный Коммунист».

Внутри Казанского Союза Поэтов я отстаивал идеи пролетарской литературы и много работал с молодыми рабочими поэтами.

В конце 1920 года в Казани был издан первый сборник моих стихов «Октябрьские Зори».

Я часто выступал со стихами на партийных собраниях и митингах. Устраивались вечера моего творчества.

С трибуны 3-го Съезда Комсомола я читал стихотворение, написанное мной в Казани, – «Пять песен человека».

В январе 1921 года по вызову Центрального Комитета Партии я выехал в Москву, чтобы стать редактором газеты ЦК РКСМ «Красная Молодежь».

А. Безыменский. 29.1.1947 г.»

В 1950 году 4 февраля было получено письмо В. Вишневого, который писал, что «был очень удивлён, взволнован и тронут», получив письмо из Казани, «всколыхнулись воспоминания 32-летней давности». Он кратко сообщает свою биографию, то, где хранятся его вещи периода Гражданской войны, обещает прислать для музея дополнительные сведения.

В конце 1946 года Бушканец обратился в Полтаву, Дом-музей В. Г. Короленко с запросом сведений, которые говорят о пребывании писателя в Казани и участии в казанской газете «Волжский вестник», и получил подробный ответ. В 1947–1949 годы между ним и Полтавой шла оживлённая переписка. В 1948 году Бушканец обнаружил в казанской печати целый ряд неизвестных ранее статей и публикаций Короленко. Сообщение об этом и найденный им некролог на смерть Короленко в казанской газете «Клич юного коммунара», а также неизвестные ранее воспоминания о писателе были отправлены дочери писателя, Софье Владимировне Короленко, та в своих письмах присылала переписанные из архива музея материалы с комментариями, высказывала своё мнение об атрибуции статей.

«Уважаемый т. Бушканец.

Музей В. Г. Короленко будет Вам очень признателен, если Вы пришлёте нам данные о приезде В. Г. Короленко в Казань в 86 и 92 гг. Просим Вас получить для музея копию донесения полицмейстера относительно «неблагонадёжного дворянина Владимира Короленко». В жизни В. Г. Короленко был случай, когда он был арестован и препровождён из Нижнего в дом предварительного заключения в Петербурге и ему приписали пребывание в ряде мест, где он в действительности никогда не был. Тогда его спутали с В. Бурцевым. Возможно, что и в данном случае сыщики спутали В. Г. с кем-нибудь другим. Этот вопрос можно будет выяснить только по получении документальных данных. Тоже и относительно поездки в 92 году, о которой пишет Перцев. Очень жаль,

У театра оперы и балета в Казани

но мы не располагаем этими воспоминаниями. Биографическая канва жизни и деятельности В. Г. Короленко составлялась нами на основании писем с точно проверенными датами, отметками в записных книжках и дневниках В. Г. и др. лиц также проверенных и других документов, печатных публикаций и проч. Теперь о сотрудничестве В. Г. в «В. В.»

Мы старались по возможности выявить все публикации в «В. В.», но, конечно, могло быть и упущено что-нибудь под псевдонимом или без подписи. Музей мог бы оплатить переписку тех статей В. Г. Короленко, которых не имеется у нас. Насколько мне известно, Иванчин-Писарев хотя и принимал близкое участие в общественных кампаниях, проводимых В. Г. в период его сотрудничества в «В. В.», но сам статей не писал. Вероятно, не все статьи, подписанные инициалами «Н. О.», принадлежат В. Г.

Переписка статей этих для архива Короленко проводилась с экземпляра «В. В.», хранящегося в Ленинградской публичной библиотеке Т. А. Богданович, которая устанавливала принадлежность их В. Г. Короленко на основании

стиля, темы и пр. Возможно, что некоторые из статей были пропущены и материалы казанской цензуры могут кое-что восполнить. Псевдоним “Н. О.” может быть расшифрован как “Нижегородское отделение” и как “Нижегор. обозреватель”. Второй псевдоним В. Г. одно “W”.

Относительно хроники жизни В. Г. в Нижнем. В полном собр. сочинений посмертное издание Госиздата Укр. 1929 г. (“История моего современника”. – прим. Т. У, дополнения и материалы) имеется биографическая канва жизни и деятельности В. Г. Короленко. Быть может, она недостаточно подробна для Вас, но другого ничего сейчас указать не можем. В распоряжении работников музея имеется материал для более полных подневных записей о жизни Короленко, но работать над ним сейчас не имеем возможности в виду большой загруженности другими работами.

Архив В. Г. Короленко в основной своей части (автографы и переписка и многие др. материалы) находится в Ленинской публичной библиотеке в Москве, но в П-ве имеются копии.

В архиве хранится всего одно письмо Загоскина от 28.II.1893 г., в котором он благодарит В. Г. за присланную им книжку своих рассказов и сам посылает свои последние произведения. Писем Рейнгаардта не сохранилось.

Насчёт присылки мемуарной и пр. литературы, к сожалению, не можем быть Вам полезными, т. к. музей обладает только единственными экземплярами, которые выслать Вам не можем.

Есть ли в Вашем распоряжении “Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко” изд. Нижегородского Губсоюза 1923 г.? Он Вам может быть очень полезен.

Прилагаю при сём отношение в Исторический архив.

Желаю успеха в работе. Если чем-нибудь сможем Вам помочь – сделаем охотно.

Директор музея В. Г. Короленко
С. Короленко. 12.II.47.»

Интересное открытие было сделано в самом музее.

Среди материалов Национального музея была обнаружена обложка адреса редакции журнала «Современник» Ивану Сергеевичу Тургеневу в связи с исполнявшимся в 1857 году десятилетием журнала и десятилетием его сотрудничества в журнале. Адрес – своеобразное художественное произведение. Он был выполнен акварелью Д. В. Григоровичем, известным писателем и талантливым рисовальщиком. Сложная композиция была посвящена литературной деятельности Тургенева в 1847–1857 годах. Рамка растительного орнамента перевита лентой, на которой перечислены названия произведений Тургенева: «Провинциалка», «Завтрак у предводителя», «Месяц в деревне», «Рудин» и др. Вверху рамка венчается латинской цифрой X и цифрами на красной ленте: «1847–1857». Через весь рисунок переброшена жердь, с которой свисает лист с надписью «Журнал «Современник» на память Ивану Сергеевичу Тургеневу за Десять лет сотрудничества».

В композицию были включены миниатюрные иллюстрации к произведениям тех лет, портрет Тургенева-охотника, карикатурное изображение его врагов из правительственных сфер. Положенные в основу композиции «Записки охотника» оцениваются как основополагающие для творчества Тургенева. Изображение масок комедии и трагедии среди перечня его драматических произведений является его характеристикой, а Слава с венком в руках, венчающая «Месяц в деревне», – оценкой лучшей из них. В композицию вставлен, как нечто чужое и постороннее («приколот гвоздём»), карандашный портрет Полины Виардо, отвлекавший, по мнению друзей, писателя от творческой работы. С веток свисает обезьяна, пытающаяся «зарезать» ножницами слово «Тургеневу» («да руки коротки!»). Если обратить внимание на орден святого Владимира на шее обезьяны и генеральскую звезду на её груди (видимую при рассматривании документа на свет), намёк станет ясным – это жандармский генерал Дуб-

бельт, роль которого в аресте и ссылке Тургенева в 1852 году общеизвестна, так что документ включает и оценки тургеневского творчества, и интимно-личные намёки, и политический шарж.

Но чествования Тургенева в 1857 году не проводилось, в тот год Тургенев не был в России, после его возвращения в июне 1858 года празднование юбилея отпало само собой – Тургенев и редакция журнала поссорились, и адрес не был вручён Тургеневу. И только в наши дни он оказался, наконец, в доме писателя, в экспозиции Государственного музея Тургенева в Орле. Каким образом документ попал в Казань? Предположения сводятся к следующему: так как документ найден в папках с коллекциями А. Ф. Лихачёва, основателя музея, возможно, он был получен Лихачёвым непосредственно от Некрасова, – в одном казанском частном собрании хранился томик стихотворений Некрасова с дарственной надписью поэта Лихачёву. Но возможен и иной путь – через соиздателя «Современника» И. И. Панаева, который приходился Лихачёву двоюродным братом.

Адрес был обнаружен Бушканцем во время субботника за тяжёлым шкафом, который давно никто не отодвигал.

С конца 1940-х годов Ефим Григорьевич начал публиковать в казанских газетах, научных сборниках материалы на тему «Русские писатели и Казань», помогал начинающим краеведам, выступал перед школьниками и учителями, советовал, с чего начать поиски, через газеты призывал казанцев поделиться своими открытиями, обнародовать материалы личных архивов и т. д. Бушканец был инициатором и редактором краеведческих сборников, а в 1961 году стал автором первого в послереволюционные годы путеводителя по Казани, ставшего популярнейшим изданием (второе изд. – 1964 год). Благодаря Бушканцу на одном из домов улицы Лобачевского была установлена мемориальная доска в память о нескольких годах, проведённых в Казани актёром

Василием Ивановичем Качаловым. Дружба связывала Ефима Григорьевича с казанским музеем М. Горького, с Национальным музеем РТ, с музеем истории Казанского университета, инициатором создания которого он выступил ещё студентом (музей был создан в 1979 году Стеллой Владимировной Писаревой, профессионализм которой Бушканец высоко ценил).

В 1963 году в Пушкинском Доме (ИРЛИ) в Петербурге Ефим Григорьевич защитил докторскую диссертацию. О её высоком уровне свидетельствует то, что его оппонентами были член-корреспондент Академии наук П. Н. Берков, академик АН М. В. Нечкина, доктор филологических наук Ф. Я. Прийма.

Вскоре после защиты папа был приглашён в КГПУ, где вскоре стал (до 1988 года) заведующим кафедрой литературы. Это была одна из лучших кафедр литературы в Поволжье. Папа очень гордился коллегами: Татьяной Александровной Геллер, Кларой Степановной Тунаковой, Лидией Алексеевной Беляевой, Галиной Александровной Альмухамедовой, Асей Игоревной Линсцер, Лидией Михайловной Котельниковой, Марией Андриановной Молчановой и другими. Помню, как папа пришёл однажды с открытого занятия Т. Д. Фроловой и с гордостью, рассказывал, как это было замечательно: «Я даже не выдержал, в конце встал и сказал студентам, как им потрясающе повезло учиться у Татьяны Дмитриевны!» И сам он был интересным лектором и справедливым экзаменатором.

Папа «руководил» кафедрой прежде всего по телефону. Вечером начинался «обзвон» кафедральных дам, причём он по несколько раз повторял то, что нужно сделать, и мы с мамой примерно на третьем круге вмешивались в беседу и останавливали её. В этих беседах решались практически все вопросы. Но особая роль была у полутора-двухчасовых бесед с Григорием Наумовичем Вульфсоном, дружба с которым продолжалась более 50 лет. Встречались

они, особенно в последние годы жизни папы, не часто, но зато каждый день в семь часов начинался разговор. И все знали, что в это время дозвониться невозможно. В этих беседах обсуждалось всё: от прошедшего дня, самочувствия («Гриша, так устал, чуть сижу», – «Да, Фима, а я чуть лежу», в те годы «чуть лежу» и «чуть сижу» были мне абсолютно непонятны) до научных проблем (особенно серьёзно – статьи и доклады друг друга), событий в университете, институте, городе, а завуалированно (телефоны прослушивались) – и политические события, для которых была выработана специальная терминология.

Особенно заинтересованно обсуждались университетские дела. Папу связывали дружеские отношения со многими литературоведами университета, но его не устраивала фигура Н. Гуляева и его школа исследований романтизма. Во-первых, он не любил романтизм ни в литературе, ни в жизни – анализ, отказ от иллюзий и реалистический подход он считал более значимым. Его не устраивала попытка найти романтизм во всём – от античности до литературы XX века, всё это казалось ему ненаучным подчинением истории литературы одной-единственной концепции. А главное, он был очень строг в вопросах нравственных – личная безнравственность руководителя кафедры в отношениях с сотрудницами вызывала его возмущение. Одного я в детстве, слушая эти разговоры, не могла понять: по телевизору часто показывали выступления певца Гуляева – как он успевал и петь по телевизору, и что-то делать в университете?

Годы его заведования пришлись на годы застоя: это было время многочасовых партсобраний, нелепых и многочисленных справок, придинок к людям самостоятельным и независимо мыслящим. Потому кафедре литературы, на которой таких людей было немало, приходилось сталкиваться с постоянными унижениями и несправедливостью. Одна из высокопоставленных

дам (с братом – крупным партийным деятелем) в 1970-е решила изгнать с факультета всех заведующих кафедрами евреев и почти преуспела в этом: она лично объехала всех членов Учёного совета института с просьбой голосовать против. Но его поддержал лично тогдашний ректор института. Всё это впридачу привело к первому инфаркту.

Под руководством Ефима Григорьевича на кафедре шла научная работа. Он был составителем и редактором сборников «Казань в истории русской литературы», «Вопросы источниковедения русской литературы». Благодаря его разысканиям Казань была включена в историю русской литературы.

Один из сборников со статьёй о пребывании ряда писателей в Татарстане в годы Великой Отечественной войны был отправлен В. Г. Лидину.

«Дорогой Е. Г. Бушканец!

(Вы не сообщили Вашего имени и отчества). Спасибо за сборник «Казань в истории русской литературы», очень интересный; особенно интересен раздел о писателях в Казани во время войны.

Но автор статьи забыл упомянуть одно имя: Сергея Александровича Полякова, который умер в Казани в эвакуацию, похоронен там и могила его затерялась.

Между тем С. А. Поляков сыграл немалую роль в истории нашей культуры: он был редактором-издателем журнала «Весы», выходившем в издательстве «Скорпион», с его именем связано, в частности, имя Валерия Брюсова. Кроме того, Поляков был первым переводчиком на русский язык «Пана» Лерберга, и блестящим переводчиком. Я пишу о нём в своей книге «Люди и встречи». Хорошо бы отыскать в Казани его могилу, а Литфонд привёл бы её в порядок.

Всего Вам доброго. В. Лидин.
22 апреля 1966 года. Москва».

«Уважаемый Ефим Григорьевич!

Я Вам писал как-то о С. А. Полякове: он жил Казани в общежитии, устроенном для писателей в Доме печати, и

там и умер в 1942 году. Может быть, эти координаты помогут узнать, где он похоронен?

Поручите это кому-нибудь из энтузиастов-студентов, у них хорошие чувства и длинные ноги. Конечно, это ещё, вероятно, немного. А было бы хорошее дело найти могилу С. А. Полякова, Литфонд привёл бы её в порядок и поручил бы Казанскому отделению заботиться о ней.

Всего Вам лучшего.

Ваш В. Лидин.

19 июня 1966, Москва.»

С ещё одного письма началось изучение темы «В. И. Качалов и Казань». Ещё в 1939 году папа обратился с письмом к Качалову и его жене Нине Николаевне Литовцевой, тоже бывшей артистке труппы Бородая в Казани, с письмом, в котором просил поделиться воспоминаниями о Казани. Качалов незадолго до этого перенёс тяжёлую болезнь, но попытался продиктовать кое-какие воспоминания. Однако, как писал личный секретарь В. И. Качалова В. Виленкин, «по словам В. И., он просто забыл подробности своей казанской жизни, — попробовал вспомнить что-нибудь, чтобы продиктовать мне, но так ничего из этого и не вышло». Далее сообщалось, что Качалов ни с кем из своих бывших казанских знакомых не встречается. По его просьбе в музей МХАТа папа направил копии газетных рецензий и некоторые другие материалы.

В результате сплошного просмотра казанских газет того времени были выявлены все упоминания о Качалове в театральных рецензиях, обнаружены дома, в которых жил в Казани великий артист, а также записаны воспоминания о нём старых казанских артистов, до сих пор не опубликованные. Далеко не всё собранное исследователем обычно входит в готовую статью, «вписывается» в её логику. Так, за пределами статьи, вошедшей в данную книгу, остался интересный эпизод. Анастасия Степановна Михайлова, по сцене Светланаова, вспоминала: «Смешной случай

однажды произошёл в женской гимназии, в седьмом классе. На уроке математики преподаватель вызывает ученицу к классной доске для решения алгебраических формул. Ученица быстро пишет и одну из формул обозначает не обычными латинскими буквами, а буквами «В. И. К.» Преподаватель смотрит на доску, на ученицу... Пауза... Затем спрашивает: "Что такое В. И. К.?" "Конечно, Василий Иванович Качалов", — говорит ученица. "Не годится Качалова вмешивать в алгебраические формулы, я тоже его поклонник, но все-таки..." в классе в это время происходит какой-то легкий шум: парты открылись и быстро закрылись. Это прятались учебники алгебры, в которых были портреты Качалова. Говорилось так: "Это ничего, что попадёшь в кабинет к начальнице и получишь выговор за неуместное хранение портрета Качалова, а страшно то, что карточку отберут, а некоторые с подписью Качалова". Каких только трудов, усилий стоило подписать карточку. Некоторые гимназистки откровенно сознавались, что если карточка Качалова со мной, то всё будет благополучно. Счастье приносит..."»

Но, пожалуй, наибольший интерес представляют письма известного писателя Вениамина Александровича Каверина, автора «Двух капитанов» и «Открытой книги». Роман Каверина «Перед зеркалом» менее известен читателям, но именно это произведение автор называл своей лучшей и любимой книгой. Как и многие другие его произведения, она построена на реальных событиях и фактах, а герои имеют своих прототипов, поскольку, по мнению писателя, художественная правда всегда должна быть связана с подлинной жизнью. Книга Каверина была посвящена русской интеллигенции, и потому её появление в начале 1970-х годов было неожиданным.

В 1960-е годы к В. А. Каверину попали старые письма, на основе которых он задумал роман. В статье «Старые письма» он рассказывал: «Лет восемь

тому назад мне позвонил почтенный учёный, с которым я встречался очень редко... Он производил впечатление человека очень сдержанного, скромного, прожившего такую же сознательно ограниченную, сдержанную жизнь. Мне не случалось слышать его мнений ни в политических, ни в научных разговорах. Вместе с тем он был всегда прелестно старомоден, естественно вежлив». Он и предложил Каверину ознакомиться с тремя томами аккуратно переплетённых писем.

По замыслу Каверина, основу романа должны составлять просто эти письма, немного обработанные, с комментариями повествователя, героине-корреспондентке нового знакомого, Лизе Тураевой, с трагической судьбой: она оказалась после 1917 года в эмиграции и умерла в 1938 или 1939 году, у неё была единственная выставка бесспорно талантливых картин в Париже. Герой романа – человек, которого она любила всю жизнь, отношения с которым не складывались, а потом исторические потрясения и вовсе развели их, но переписка и редкие встречи продолжались более четверти века. Этот герой-человек, ей во всём противоположный, рациональный, но при этом талантливый учёный.

Поскольку молодость этого человека, реально существовавшего, но ставшего героем задуманного произведения, была связана с Казанью, то в 1969 году по рекомендации известного литературоведа Ю. Г. Оксмана Каверин обратился к Ефиму Григорьевичу за помощью и на несколько дней приехал в Казань. Он жил в гостинице «Казань», но в связи с только что перенесённой операцией (язва) обедал у нас дома, где молодая хозяйка, Ирина Никифоровна, готовила для него диетические, но вкусные блюда – с этим связано обилие приветов ей в письмах. Каверин гулял по улицам старой Казани, по которым ходили и его герои, работал в архиве, побывал в отделе редких книг и рукописей Казанского университета, познакомился с очень эрудированным че-

ловеком, автором ряда краеведческих и библиографических исследований Вячеславом Васильевичем Аристовым.

Именно после посещения Казани окончательно оформилось решение написать роман «Перед зеркалом». Правда, первоначальный замысел вынужденно подвергся некоторым изменениям. Судя по нашим семейным воспоминаниям, роман должен был завершаться тем, что письма героя прекратились, а также глухим указанием на то, что сам он «потерялся» в конце 30-х годов.

«Дорогой Ефим Григорьевич!

Пишу Вам, чтобы ещё раз поблагодарить за всё, что Вы с такой добротой и вниманием сделали для меня. Я, вернувшись, просмотрел всё записанное, и оказалось, что теперь можно продолжать работу с куда большей, чем прежде свободой. Ю. Г. звонил, но он на даче, а Евтушенко ещё не видел. Жалею, что не посмотрел материалов, относящихся к первым в организации казанских вузов в первые послереволюционные годы (1921–22). Я думаю, что тут может помочь Вячеслав Васильевич, которому я собираюсь написать.

Ждём (мы с женой, которая сердечно кланяется Вам) Вас в Москву. Сердечный привет и благодарность милой Ирине Никифоровне и поцелуй – Лике.

Ваш В. Каверин. 25/УШ 1969.»

Упоминание о Евтушенко связано с тем, что незадолго до этого в Казань приезжал для работы над поэмой «Казанский университет» Е. А. Евтушенко, который также обращался за консультациями к папе и В. В. Аристову.

И вот, наконец, очень интересное письмо, приоткрывающее тайну прототипа героя романа:

«17.Х.69. Дорогой Ефим Григорьевич!

Пишу Вам из Ялты, куда мне переслали Ваше письмо. Большое, большое спасибо за библиографию, она мне очень нужна. Бог весть, достану ли я эти редкие издания в Ленинской? Надеюсь, что – да. Настоящая фамилия моего героя Павел Александрович Без-

сонов. Я нашёл его в одном из отчётов Мат. Факультета. Рабфак он организовал при только что созданном Политехническом Институте.

Я продолжаю работу и надеюсь кончить её месяца через три-четыре. Жалею, что Вы прочли уже устаревший вариант. Может быть, когда первая часть будет кончена, Вы позволите прислать её Вам.

Извините, что я послал Вам “Брамбеус” вместо “Двойного портрета”. Оказалось, что у меня нет ни одного экземпляра этого романа. Я постараюсь (непременно!) достать его и пошлю Вам.

Сердечный привет Ирине Никифоровне. И поцелуйте милую дочку. Боюсь, что я забыл (не уверен) послать ей свою сказку “Летающий пингвин”.

Крепко жму руку. Ваш В. Каверин.»

Ирония автора письма связана с тем, что его положение в литературе было всегда сложным, он никогда не считался «официальным», удобным для власти писателем. Что касается автографов В. А. Каверина, то они украшают издания автобиографического романа «Освещённые окна» (Москва, 1976), исследования «Барон Брамбеус» (Москва, 1969), романа «Перед зеркалом» (Москва, 1972 – «Дорогому Ефиму Григорьевичу Бушканцу с глубокой признательностью за неоценимую помощь»), тома «Сказок» («Дорогой Ефим Григорьевич, примите вместе с моей признательностью этот маленький подарок подрастающему поколению. Всегда ваш В. Каверин»), а также книгу мемуаров «Собеседник» (Москва, 1973).

В биографии героя романа Карновского многое действительно напоминает студента, а затем преподавателя Казанского университета Безсонова (в современном варианте правописания: Бессонов). Материалы Национального Архива РТ¹ позволяют нам лучше узнать этого человека.

Павел Александрович Безсонов родился в Казани 25 июня 1889 года, крещён в Борисоглебской церкви, его

родителями были казанские мещане Александр Андреевич и Екатерина Ивановна Безсоновы. В 1910 году он с отличием окончил Третью Казанскую мужскую гимназию, в которой изучал латинский, греческий, немецкий, французский языки, русскую словесность, философскую пропедевтику, законоведение, математику, математическую географию, физику, историю, географию и природоведение, Закон Божий. Напомним, что за семь лет до этого ту же гимназию закончил Виктор Хлебников.

Как имеющий Золотую медаль, Безсонов при зачислении в Университет не вносил платы в 25 рублей и подавал прошение об освобождении от платы за учёбу с приложением свидетельства о бедности. В 1912 и 1914 годах подавал прошение на имя ректора с просьбой разрешить давать уроки в частных домах. Поскольку он показал «поведение отличное», удостоверение соответствующее было быстро получено. Карновский, герой романа, также был вынужден давать частные уроки и содержать семью – мать и младших детей в семье.

Для поступления в университет Безсонов представил: прошение, метрическое свидетельство о рождении и крещении, свидетельства об окончании гимназии, о военной приписке, о мещанском звании отца, об оспопрививании и свидетельство о бедности. На фотографии входного билета в университет на 1914–1915 годы, сохранившегося в личном деле студента, мы видим серьёзного молодого человека в пенсне, с оттопыренными ушами, высоким лбом, зачёсанными назад без пробора волосами. Не случайно Каверин говорил о потаённом психологическом сюжете романа: талантливая, мятущаяся женщина ищет любви и пишет письма человеку, быть может, сухому и не понимающему её². И в то же время в жизни Карновского есть свой смысл – хотя деятельность его как математика и не связана с внешним миром и проходит в «одной комнате» – библиотеке, лаборатории и т. п., она наполнена научным

поиском и открытиями. В романе о Карновском говорится как о будущем Лобачевском. А был ли таковым реальный Безсонов?

Безсонов поступил на математическое отделение физико-математического факультета в 1910 году. В его личном деле отмечены курсы, на которые он записывался в течение пяти университетских лет – обязательное богословие, лекции по механике, астрономии, геометрии, алгебре, химии известных профессоров и тогда ещё приват-доцентов, но в будущем тоже известнейших учёных Ф. М. Флавицкого, А. П. Котельникова, Д. А. Гольдгамера, Н. Н. Парфентьева, Д. И. Дубяго, В. А. Ульянина, Д. Н. Зейлигера, П. А. Лаврентьева. Физико-математический факультет в первой половине 1910-х годов славился выдающимися учёными, на факультете было более 15 профессоров и 20 приват-доцентов, физический, механический и геометрический кабинеты. Большую роль в судьбе Безсонова сыграл тогда приват-доцент, позже профессор Н. Н. Парфентьев. Кстати, именно он преподавал в гимназии математику у В. Хлебникова и запомнился тому на всю жизнь: этот человек обладал даром привлекать способную молодёжь, будить жажду научного поиска. В университете он проявил себя как яркий общественный деятель, как учёный с разнообразными научными интересами, читающий множество лекционных курсов, как председатель интереснейшего студенческого научного кружка, в котором участвовало более 100 студентов. Он всегда был окружён учениками. В годы учёбы Безсонова Парфентьев проводил занятия по математике совместно с приват-доцентом по кафедре философии Н. А. Васильевым и студентами филологами и философами – по понятиям бесконечности и дискретности, истины в математике. При этом студент П. А. Безсонов сделал критический разбор книги И. Менделеева «Математика и логика».

В 1915 году Безсонов выполнил полностью учебный план и, как имев-

ший отличное поведение (видимо, в многочисленных студенческих выступлениях и забастовках того времени он не участвовал, целиком посвятив себя науке), был допущен к правительственным испытаниям. В 1915 году под руководством Парфентьева писал выпускную работу.

В 1915 году после окончания университета³, Безсонов был оставлен в университете по кафедре чистой математики для приготовления к профессорскому званию, но за свой счёт⁴. Для того, чтобы прожить, как свидетельствует адрес-календарь и справочники по Казанской губернии на 1916 год, он был преподавателем математики в частной женской гимназии⁵, позже вёл практические занятия по курсу математического анализа, был ассистентом профессора Д. Н. Зейлигера. В начале 1920-х годов под рекомендации декана Н. Н. Парфентьева он был избран профессором по кафедре чистой математики, специально для него было расширено число читаемых по кафедре специальных курсов. В 1922 году Безсонов вышел из состава университета и был приглашён в Москву.

Деятельность Безсонова в Казани связана также, как упоминалось в одном из писем Каверина, с Политехническим институтом. В 1918 году в Казани был открыт промышленно-экономический техникум, который вскоре был преобразован в Политехнический институт (в здании бывшего Промышленного училища). Институт был призван готовить специалистов-практиков – инженеров, механиков, специалистов по сельскому хозяйству. Его ректором стал доктор прикладной математики и профессор механики Д. Н. Зейлигер. Безсонов участвовал в реорганизации техникума в Институт⁶, организовывал рабфак при институте, в качестве профессора (которым стал в 29 лет) читал математику на архитектурном и инженерном факультетах, был членом Совета архитектурно-строительного факультета, составлял проект инженерного факультета (деканом которого,

кстати, был избран в 1919 году Василий Иванович Нечкин, отец известного в будущем историка, академика Милицы Васильевны Нечкиной⁷⁾.

Судьба П. А. Безсонова – это судьба талантливого учёного и просветителя, пусть и не ставшего вторым Лобачевским⁸⁾ (хотя и оставившего свой след в науке, его работы печатались и в нашей стране, и за границей), именно такой тип интеллигента на протяжении вот уже почти двухсот лет формирует Казанский университет. Потому не случайно, что прототипом героя книги Каверина стал именно студент, потом профессор Казанского университета.

Не менее важным для романа «Перед зеркалом» стало то очарование Казани, которое Каверин почувствовал за те дни, которые он здесь провёл.

Отличительной особенностью папы как учёного были личная заинтересованность в процессе литературоведческого поиска, понимание общественной значимости литературоведения (что сейчас совершенно нами утрачено), представление о том, что писатели и общественные деятели прошлого незримо присутствуют в нашей жизни: когда он рассказывал о Казани, казалось, что Герцен или Некрасов только что прошли здесь.

Особое место занимал Лев Толстой, с которым папа постоянно внутренне беседовал и который был ему лично близок. Им была написана книга, посвящённая казанским годам жизни Толстого – единственная полная биография писателя этого периода, восстановленная по архивным материалам, редким мемуарам, в ней отразилось великолепное знание казанской периодики и истории. О студенческих годах писателя сложилась целая литературоведческая мифология: дескать, молодой Толстой был нерадивым студентом и светским щёголем. Ефим Григорьевич, переживал, что за писателем установилась такая репутация. И доказал, что казанские годы писателя – это годы его духовного и нравственного становления, когда он формулирует Правила

жизни, начинает вести Дневник, пишет первые философские эссе и художественные произведения, много читает.

Но с юности, кроме литературоведения, папа увлекался математикой и естественными науками. Он постоянно приносил мне из университетской библиотеки научно-популярные книги, в результате я любила в детстве «химичить» и всё смешивать, как только родители теряли бдительность: рис с гречкой, сахар с солью... Поэтому огромное удовольствие я испытывала тогда, когда можно было это делать «официально», например, под папиным руководством в полотняном мешочке промывать муку под водой, чтобы получилась клейковина, или помогать ему переливать реактивы перед священнодействием – проявкой плёнок или печатанием фотографий. Папа любил водить меня в Актовый зал Консерватории, где мы встречали всю казанскую интеллигенцию, и гулять со мной по центру Казани и говорить на самые разные темы. Помню, он рассказал мне о встречах с одним известным литературоведом, который в конце 1930-х был арестован. Его уже в составе колонны вели на расстрел, но навстречу ехала машина с каким-то начальником. Тот высунулся из окна и спросил: «Кого везёте?» – «Интеллигенцию» – «Поворачивай, план по интеллигенции выполнен». Конечно, я понимала, что такое говорить вслух нельзя.

Последние несколько лет жизни папы – это годы «перестройки». Он с радостью воспринял перемены в стране, запоем читал номера литературных журналов, радовался гласности. Всю жизнь посвятивший исследованию XIX века, писателям и людям, мечтавшим о свободной и демократической России, он и сам был человеком демократических убеждений, который ненавидел тоталитаризм во всех его вариантах. Для него естественным поступком было сгрести с лотка разложенные там для продажи брелоки с изображением Сталина и тут же выбросить их, несмотря на крики уличных продавцов.

Он ценил людей справедливых, умных и талантливых. Литература и литературоведение были не чем-то отдельным, а самым главным в его жизни. А главное, ему было свойственно понимание того, что научная работа придаёт жизни каждого человека смысл. Больше всего папа любил приобщать студентов, сотрудников и вообще всех окружающих к научной работе. Он постоянно уговаривал кого-нибудь писать диссертации, искать новые материалы, раздавал темы, организовывал конференции и сборники, постоянно об-

ращался к жителям города с призывом собирать материалы по истории Казани, с энтузиазмом читал лекции для казанцев и умел при этом рассказывать о свои поисках одновременно увлекательно и глубоко, рождая в слушателях уважение к литературоведению. От работы в библиотеке, в архиве, от научных открытий (однажды он сказал, что семьдесят раз в жизни был счастлив – столько раз находил в архивах никому не известные материалы) он получал огромное удовольствие и хотел, чтобы такая же радость была и у других людей.

---

¹ НА РТ. Ф. 977. Опись личных дел. Дело № 39329.
На 26 лл.

² Каверин В. Вечерний день. – М. : Сов. писатель, 1982. – С. 319–320.

³ См. годовой отчёт о составе университета за 1915 год.

⁴ Форм. список о службе профессоров и преподавателей и технических работников университета. Ф. 977. Оп. 616. Лл. 241–247.

⁵ Гимназия, учреждённая Л. И. Каваном на ул. Лядской в доме Молоткова.

⁶ НА РТ. Ф. 262. Оп.1. Дело 16, 3, 1.

⁷ НА Ф. 262, Оп. 1. Дело 7. Л. 44.

⁸ Юрий Абдуллоевич Альпин, сотрудник мехмата Казанского университета, подтвердил, что Безсонов был известным и талантливым учёным.

